

Валерий Рогожин

нелъзя стихи
не вспоминать

стихи

Валерий Петрович Рогожин
Нельзя стихи
не вспоминать. Стихи

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=26338452

ISBN 9785448573552

Аннотация

Когда не в силах достучаться Ни до друзей, ни до врагов,
Когда нет рядом домочадцев, И нет у боли берегов, И все
захлестывает валом Девятым иль каким еще, И ада нет, небес
не стало, И жизнь по лезвию течет... Тогда карандаша обломком,
Ломая строчек строй и стать, Стараешься в порыве ломком Души
частицу записать... Запомнить несколько мгновений, Остановить
частицу дня, Не для раздумий и сомнений, А лишь душевной
боли для...

Содержание

«хороший день, удачливый до края...»	5
Мы волки	7
«Я беспорно умру...»	9
«из дальней страны Тывы...»	12
«я писал тебе на стекле...»	14
«прошедшее залито мутной мглой...»	16
«Говорят, что в аду я был дважды...»	18
Подземный переход	20
«Почему никак не сложится...»	22
«а за окном погода колобродит...»	24
«мелодия кружила и смеялась...»	26
«январь кончается, и странно как-то...»	28
«не удастся написать вино...»	30
«всю жизнь на нас какие-то напасти...»	32
«февраль, чернил вполне хватает...»	34
село Грязищи	36
«опять аэродром не принимает!...»	38
«завечерело. дух морозный...»	40
«рассвет хотел все встать на лапы...»	42
Конец ознакомительного фрагмента.	43

**Нельзя стихи
не вспоминать
Стихи**

Валерий Петрович Рогожин

© Валерий Петрович Рогожин, 2017

ISBN 978-5-4485-7355-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

«хороший день, удачливый до края...»

хороший день, удачливый до края,
но большего от завтрашнего ждем.
опять шел снег, тебя с ним поздравляю!
и поздравляю с будущим дождем!

который обязательно случится,
потоком низвергающихся вод
на наши души бранные промчится
и смоеет с них и тлен, и грязь, и пот!

и это будет словно омовенье
в зеленой иордановой воде,
как света луч, как светлое виденье,
блеск самородка в каменной руде...

– С ума сошел в крещенские морозы
он ждет дождей, потоков теплых вод...
на Святки ждет бушующие грозы,
зачем же лютым звал февраль народ?

жди холодрыгу, жди сезон для шубы!
теплей живется, коль кожух тяжел.
весной тепло, зимою ж стисни зубы!..

...а прошлой ночью теплый дождь прошел...

Мы волки

мы не в раю и далеки от рая...
не в преисподней, хоть похоже очень...
для вас мы звери, хищники, мы – стая.
мы – волки, волчья стая, между прочим!

кто вы – толпа! к друг дружке жметесь боком!
спинами укрываетесь в испуге...
и мы толпа, но мы толпа с наскоком.
летим толпой, почти что друг на друге!

в нас нет различий, нет противоречий
между щенком и человеческим сыном.
лишь волчья шерсть, да дух твой человеческий?
мой хвост да бег и твой шажок гусинный?

а в остальном мы как одна порода,
пусть ты с ножом, мой клык сильнее стали!
ты с техникой, меня ведет природа,
ты влет стрелял, мы резать чтоб, взлетали!

мы убиваем, чтоб себя насытить,
но иногда и просто для убийства.
ты убиваешь из убойной прыги,
порой убийство родственно витийству

а главное, что нас роднит с тобою —
мы любим кровь. кровь это наша слабость.
мы пьем ее, питьё сродни запою —
болезнь, беда, необходимость, радость!

мы не в раю и далеки от рая...
не в преисподней, хоть похоже очень...
для вас мы звери, хищники, мы – стая.
мы – волки, ваши братья, между прочим!

«Я бесспорно умру...»

Я когда-то умру – мы когда-то всегда умираем. Как бы так угадать, чтоб не сам – чтобы в спину ножом:

Убиенных щадят, отпевают и балуют раем...

Не скажу про живых, а покойников мы бережём.

В. С. Высоцкий

Я бесспорно умру,
Потому что мы все умираем,
Что ж подушку сомну,
И пойду куда надо грустить...
За дорогой боярышник
Веткой последней сгорает,
За дорогой судьба,
От судьбы нам уже не уйти...

Прогони ты меня,
Прогони хоть до самого рая,
Потому что я сам,
Ну, никак не сумею уйти...
И последнею ягодой
Ярко на солнце играя,
Он не пустит меня
Ни в конце, ни в начале пути!

Ты меня прогони,
Позовешь буду лишь благодарен,
Слов не надо любых,
Все понятно без всяческих слов...
Столько лет ждал тебя...
Столько лет и от всяких окраин...
Сколько ждущих таких,
Столько плачущих по миру вдов.

Он про все рассказал,
Он ушел улыбнувшись в последний,
Только дернулся раз,
Только вдруг закатились глаза...
Я увидел его,
Все увидел, как смог я намереди!
И поверил всему,
И крестился я на образа!

Кто в каком же краю
Перепишет нам наше сознание?
Я конечно умру,
Сомневаются? Я лично нет!
Что ж живой я пока,
И еще не прервалось дыхание,
Еще вижу пока
На колючках его алый свет...

За дорогой кусты,

А попробуй достань их попробуй...

На плече синий образ...

Что значат для нас образа?..

Пусть сегодня и здесь

От рожденья до самого гроба

Светит золото храмов,

И звенит надо мной бирюза!..

«из дальней страны Тывы...»

из дальней страны Тывы,
где водится рыба таймень,
под пересуды молвы
на лунный четвертый день
с трясущейся головой
и лапою серой совы
с бубном, с пакетом травы,
старый лохматый седой

приедет колдун-шаман
глухой и почти что слепой.
в костре он сожжет дурман,
станет шептаться с собой,
из чемодана достав,
он бубна заоблачный звон,
как неизвестный амвон,
выставит на ледостав.

и он на какой-то час,
все силы собрав ворожкой,
тогда заколдует нас...
я стану твоей судьбой!
ты станешь моим вождем!
и ты будешь повелевать,

указывать и желать,
я буду твоим путем!

ты станешь моей свечой,
а я буду светом твоим,
и буду тебе плечом,
которого хватит двоим.
мы заживем лишь держись!
кто будет счастливее нас!
и в этот большой макрочас
вместим нашу всю микрожизнь!

«я писал тебе на стекле...»

я писал тебе на стекле,
очень маленькое окошко,
и текли по стеклу слова,
превращаясь в капли воды.
я так много хотел сказать,
а здесь места совсем немножко,
и к тому ж эти капли бегут,
оставляя кривые следы...

больше ты в меня никогда
телефон свой в сердцах не бросишь!
больше я на тебя в сердцах
не смогу никогда кричать!
может быть ты когда-нибудь
хоть разок Всевышнего спросишь,
чтоб за облаком Он разрешил
нам друг друга увидеть опять?

все же, знаешь, мне повезло,
ты на рейс опять опоздала,
и теперь я могу тебе
быстро что-нибудь черкануть...
ты ведь знаешь, я никогда
не бежал за славой Дедала,

и жалею я, что не могу
хоть разок на тебя взглянуть.

я пишу тебе на стекле,
места мало, а нужно столько...
без меня ты счастливой будь,
ну, пожалуйста, пообещай!
очень маленькое окно,
все поместится только-только...
я люблю тебя! вот и все!
дорогая... конец... прощай!..

«прошедшее залито мутной мглой...»

прошедшее залито мутной мглой...
мелькают лишь расплывчатые лица.
я, как преступник, должен вновь с тобой
знакомиться, сходиться, расходиться...

так в древности к страданиям на века
в добавку шли страдания с повтореньем,
ведь просто мука... что ж она легка,
а с повтореньем – это ведь явление!

и был период из минувших дней:
мгновения, кусочки и частицы
я выбирал, хранил, берег, ей-ей!
их складывал, пытался насладиться...

пытался сделать ближе и родней,
слепить, воздвигнуть, ну, хотя бы вечер...
и в сонмище безрадостных теней
возненавидел те минуты встречи!..

тот случай, что всю жизнь перевернул,
короткий миг, вдруг выросший в полвека,
который вдруг мигнул, позвал, сверкнул

и вновь исчез как тень от имярека.

минуло все, покрылось мутной мглой,
и лишь провидцы могут что-то видеть...
приговорен я вечно быть с тобой,
приговорен любить и ненавидеть!

«Говорят, что в аду я был дважды...»

Говорят, что в аду я был дважды,
Если так, знать счастливым я был,
Каждый раз, понимаешь ведь, каждый!
Я обратно к тебе приходил.
Не прельщают дома и квартиры,
По-английски иду из квартир...
Мне тебя бы – отдал бы полмира,
Впрочем нет! Забирайте весь мир!

Счастье – глупая штука, чужая,
Где-то есть, только я не встречал...
Горизонт бы от края до края
И начать бы с начала начал.
Заглянуть за вон тот поворот бы,
Разгадать бы загадки судьбы:
Ждут какие еще навороты?
Сколько мне отпустили ходьбы?

Ну, а если б такая удача:
Кто-то верхний сказал невзначай:
Выбирай, неудавшийся мачо,
Что захочешь, то И... Получай!
Я б сказал: «Обещание зыбко,

Очень многого я захочу.
Мне нужна у нее улыбка,
Как? Такое тебе по плечу?»

А еще, попрошу, пусть нескромно,
Но, коль выдался этот раз,
Подари мне подарок огромный,
Чтобы счастье лучилось из глаз,
Чтоб всегда словно юная дева,
Чтоб ее не касалась грусть!
Пусть по жизни идет королевой
И пусть будет удача с ней, пусть!

И еще небольшой завиточек,
Ну не трудно ведь небесам!
Пусть напишет мне парочку строчек,
Остальное домыслию я сам!

Подземный переход

Джемме Халид

Девушка пела, гитара рыдала.
Штормы лупили сквозь песню по стенам...
Брызги летели, но было все мало,
И душу та песня давила коленом!
Дека дрожала и гриф напрягался,
Струны звенели, вибрируя страстно,
Звук на свободу от музыки рвался
В миг становясь младшим братом соблазна

Ноты исчезли из этого мира,
Только созвучия, только аккорды...
Музыка стала небесным вампиром,
Тянущим кровь из душевной аорты,
Вдруг завладела душой, захватила,
И превратившись в пуховое чудо,
Обволокла, обняла, усыпила,
Приобрела все за пару эскудо.

Девушка пела... Нет! Девушка была
По этой толпе, что желала услады!
Хлеба и зрелищ? А что, если Вила
Молнию вытащит прямо из ада!

И жахнет наотмашь, чтоб ярче звучало,
Чтоб песня запомнилась эта надолго,
Чтоб слить воедино конец и начало,
Музыку жести и музыку шелка!

И песней пробило трех крепких амбалов,
Плакали двое бомжей возле входа...
Слезу утирала хозяйка журналов
И около сотни иного народа!
Дека дрожала и гриф напрягался,
Струны звенели, желая исхода,
Звук из подземки на улицу рвался,
Стремясь позабыть тесноту перехода

Девушка пела, гитара рыдала.
Штормы лупили сквозь песню по стенам...
Брызги летели, но было все мало,
И душу та песня давила коленом!..

«Почему никак не сложится...»

Почему никак не сложится
Эта мутная судьба?
Только дразнит, корчит рожицы,
Да глумится гольтьба,
Как от камушка случайного,
По воде идут круги,
Пусть нарочно, пусть нечаянно,
Все встаю не с той ноги...

Почему разлука светится
Мне далеким огоньком?
И бреду, как в гололедицу,
Я по льдышкам босиком...
Убежать бы за околицу
От жары и от пурги...
Тот грешит, а этот молится,
Я ж встаю не с той ноги

Почему такая гнусная
Мне погода задалась?
Почему дорога грустная
Тянет все в болото в грязь?
И ни тучки, солнце яркое,
Да не вижу я ни зги!

И плетусь, хромая, шаркая,
Встав опять не с той ноги.

Почему опять кукожится,
Знать больна моя судьба?
И душа шуршит и ежится,
И не в радость уж гульба...
Жахнуть, что ли горькой чарочку,
Облизнулись, чтоб враги?
Но случилась помарочка:
Встал опять не с той ноги!

Почему никак не сложится
Эта мутная судьба?
Только дразнит, корчит рожицы,
Да глумится голытьба,
Как от камушка случайного
По воде идут круги,
Пусть нарочно, пусть нечаянно
Все встаю не с той ноги...

«а за окном погода колобродит...»

а за окном погода колобродит,
и круговерть сменяет карусель...
То снег идет, когда никто не ходит,
а то не снег, а жиденский кисель.

Окно завешу, занят я сегодня,
дел накопилось – разбирать три дня...
все потому, что в праздник новогодний
почти что месяц пьянка, суетня...

сугробы навалило на дороге.
сломаешь все, коль выйдешь со двора,
как видно прошлогодние пороки
родили снег и выросла гора!

завален стол: записки, бланки, пресса.
на лампе пыль, карандаши в пыли.
поможет здесь лишь чашечка эспрессо,
«Pall Mall», Camus, ну, и альбом Дали...

холодный ветер злобно завывает,
туман какой-то серо-голубой,
а под окном рябинка изнывает,
иссечена несущейся крупой...

нас разделяет стекло дребезг малый,
зимы пять метров и пустая мысль:
вот как бы сделать, чтобы время встало,
оно бежит – уходит наша жизнь...

«мелодия кружила и смеялась...»

мелодия кружила и смеялась,
мелодия вертела и вела,
то прилипала к телу, как смола,
то паузой внезапно обрывалась.

взлетала вверх, и висла в небеси,
и рассыпалась клиньями стаккато,
внезапно превращаясь в марш солдата,
о, Господи, помилуй и спаси!

а он творил, внимал и улыбался...
и руки он в локтях не разгибал,
как будто бы кого-то соблазнял
иль заманить кого-то собирался,

так согнутой рукой то вверх, то вниз,
а кисть руки живет при том отдельно.
рожает, умирает неподдельно,
верша то суд, то взбалмошный каприз.

и музыка, как женщина в экстазе
уже его, ему принадлежит,
последней клеткой жаждет и дрожит,
а он творец, он весь в иконостасе.

и медленно мелодия падет,
и медленно и тихо все сникает,
и звуки в инструменты все стекают,
и он закончил, он сейчас уйдет...

никто не понял, музыка звучала,
все в музыке, еще она звучит...
и вид его небрежно нарочит...
он душу жег здесь с самого начала!

он музыку творил своей душой!..
снимает фрак, берет свои перчатки,
он в вечности оставил отпечатки,
и он устал, он так спешит домой!

«январь кончается, и странно как-то...»

январь кончается, и странно как-то:
не хлюпает, не тает, не течет...
но к вечеру опять болит плечо,
погода вновь изменится де факто.

де юре все же просто снегопад,
и может снегопадом обойдется,
хотя вверху кому-то там неймется,
теперь не климат, а сплошной разврат!

декабрь без снега был, земля чернела
в проплешинах, как будто псориаз...
любой снежок всех приводил в экстаз,
иззябшее укрыв земное тело,

скрыв все пороки, язвы и паршу,
принарядив собой старушку-маму...
но там, вверху, неистовец упрямо
вновь затевал на грязи томошу!

пришел январь, насыпал снега втрое.
возможно за себя и за февраль...
отсюда однозначная мораль:

еще чуть-чуть, снегов сезон закроют!

и что же? разве это не разврат?

коль за окном совсем не тот, кто нужен,
к примеру, завтрак нынче будет в ужин,
обед в четверг, а зимы на парад!..

«не удастся написать вино...»

не удастся написать вино
игристым, золотым, неосятутимым,
янтарным, теплым и невозмутимым,
каким оно в бокале быть вольно...

не удастся показать букет
с игрою виноградного оттенка:
лоза-блондинка и лоза-шатенка
по-разному рожают вкус и цвет...

а ягода, впитав светила свет,
и превратив луч солнца в буйный запах,
заставит блик служить на задних лапах,
а тень напомнить утренний рассвет.

не удастся буквой воссоздать
чуть слышный аромат скользнувшей капли,
похожий чем-то на морские камни,
на тайну дна и света благодать.

никак не получается в словах
сложить в строку все тонкости напитка,
чтоб пролегла единственная нитка,
с которой и создали кружева...

те кружева, в которые сплелись
волшебные, таинственные свойства,
рождающие сон и беспокойство,
ведущие в Аид или к солнцу в высь!

«ВСЮ ЖИЗНЬ на нас КАКИЕ-ТО НАПАСТИ...»

Гал.

всю жизнь на нас какие-то напасти:
то дождь, то листопад, то снегопад...
лишь раз любил и это было счастье!
и связь потом впопад, и невпопад...

и не было прощальных разговоров,
и шлягера с припевом виноват!
не нужен? ради Бога, и без сборов:
дверь, коридор, будь счастлива! виват!

как молоды мы были, столь же скоры!
смял душу, как листок, и вышел вон.
был рыцарем, что ж нынче стал мажором!
жизнь – буффонада? я – фигляр, буффон!

цветок с окна на комнату взирает.
неужто уцелел, не может быть!
тарашится, молчит и выбирает,
с чем сравнивать мой бестолковый быт...

с чем не сравни, укажет палец в небо.

непредсказуем я и знаю сам
что б я ни сделал, будет все нелепо,
отрину что – угодно небесам!

всю жизнь на нас какие-то напасти:
то дождь, то листопад, то снегопад...
лишь раз любил и это было счастье!
все остальное было невпопад...

«февраль, чернил вполне хватает...»

февраль, чернил вполне хватает,
а слезы лишние сейчас:
весь мир вокруг течет и тает
повсюду, сколько видит глаз.

день сумрачный похож на вечер,
зато дорожка, как река,
а вдоль дорожки, словно свечи,
последних тополей рога.

фантазиям вполне привольно...
в уме рождаю новый мир,
плыву рекой, путем окольным,
взяв лунный серп, как сувенир,

сквозь дом жилой, сквозь чью-то радость,
сквозь чьи-то слезы напролом,
сквозь горечь слов и чувства сладость,
сквозь боли тишь, сквозь счастья гром!

бежать, наращивая скорость,
от чувств фантомных и чужих,
нестись, уже с тобою порознь,

из вод речных до волн морских...

и, выскочив на вала крону,
взъяршив вздыблённую волну,
вдруг враз разбиться на микроны
о стихотворную скалу!..

февраль, чернила, чашка кофе,
конфет с десяток ассорти...
к листу бумаги как к голгофе
идешь, не в силах не идти...

село Грязищи

в дальний край, в село Грязищи
уезжаю за судьбой,
через Щелково в Мытищи,
ну, а дальше по прямой!..

через поле со стожками,
через редкий чахлый лес,
где туристы с рюкзачками,
где туманы до небес...

эти древние Грязищи
с незапамятных времен —
деревянные домища,
да сараи у гумен...

деревянная дорога,
деревянный тротуар.
ой, в распутицу морока...
гнус, слепень, мошка, комар...

что нам мили, километры,
перегоны, поезда!
что нам северные ветры,
если светит там звезда.

там такие окунища,
щука, жерех и плотва...
темно-синие глазища,
развеселая вдова.

уезжаю, уезжаю,
уезжаю за судьбой.
жизнь с нуля сооружаю,
все подчистив за собой...

земляника, да морошка,
да малина на лугу...
это все я понарошку,
все придумал на бегу...

«опять аэродром не принимает!..»

опять аэродром не принимает!..
февраль, дожди, ни неба, ни земли...
пускай дожди, но жизнь моя хромает —
опять на кухне словно в Сомали!

опять сраженья местного значенья...
артподготовка, рукопашный бой!
разоблаченья, взрыва, обличенья...
и что мы делим, Господи, с тобой?

быть может и распутица от ссоры?
и цвет небес не ярко-голубой?
и не хватает лишь соседок своры,
всегда готовых на словесный бой!

а тучи уплывают к горизонту
неспешной чередою, словно льды,
иль корабли, что, требуя ремонта,
увозят вдаль предчувствия беды...

молчи! смотри! блик солнца от соседей...
по стенке скачет из того окна.
весь мир у нас – созвездие соцветий!
ты у меня – соцветие, одна!..

февраль, и что? когда-то звался лютый...
то снег, то лужи, то дождливый туш...
он может отдается за валюту?
плати пиастры – будет зной и сушь...

а если баксы, то тогда на выбор
мороз Аляски иль Майами жар...
какой гигант! нет, ах! какая глыба!
тот, кто придумал февралю пиар!

«завечерело. дух морозный...»

завечерело. дух морозный
возник вдруг в воздухе неожиданно,
хотя капелей звук гортанный
звучал надсадно и склерозно...

остекленела лужи гладкость,
внушая веру в бронь и мощность
и выставив всю непорочность,
но затаив под коркой пакость...

и темнота в права вступала,
клубясь в углах, в кустах сирени,
людей цепляя за колени,
пугаясь лампочек накала...

час телевизора и чая...
хотя кому-то чай не нужен,
но большинство спешит на ужин,
еще мороз не замечая.

обычный вечер. глаз усталость,
желанье сбросить дня заботы
и отрешиться от работы
на час, на два... что тут осталось?..

мороз крепчал, почуяв волю,
заняв позиции надолго,
лишь помня о веленьи долга,
о властелина ореоле!

февральский вечер, дух морозный
возник вдруг в воздухе нежданно...
замолк капелей звук гортанный,

лишь снега хруст апофеозный!..

«рассвет хотел все встать на лапы...»

*рассвет хотел все встать на лапы,
но, не проснувшийся еще,
он мне на левое плечо,*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.